

Оригинальная статья

УДК 81'42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-152-163>

Понятийные метафоры в психотерапевтическом дискурсе (на примере художественных произведений Ирвина Ялома и Кена Кизи)

Ирина Васильевна Шугайло

*Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия,*

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
vshugajlo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6613-6153>*

Введение. В статье рассматривается роль и особенности применения концептуальной метафоры в психотерапевтическом дискурсе на примерах произведений Ирвина Ялома «Шопенгауэр как лекарство», «Мамочка и смысл жизни» и Кена Кизи «Над гнездом кукушки» (пер. 2003 г. Д. Шепелева). Цель статьи заключается в иллюстрации метафорического языка психотерапевтического дискурса (ПД), внедренного в художественное произведение. Широкое использование метафоры позволяет выделить ПД в самостоятельный. Актуальность лингвистического анализа заключается в необходимости расширения языка дискурсов, связанных со здоровьем человека.

Методология и источники. Статья базируется на положениях теории понятийной (концептуальной) метафоры, сформулированной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Методологической основой анализа стали труды, посвященные ПД и метафорическому языку психотерапии (И. В. Карасик, А. Р. Маркин, М. С. Гринева, Е. В. Ермолаева и др).

Результаты и обсуждение. В статье дается характеристика ПД, описываются типы понятийных метафор, которые применяются в психотерапевтическом дискурсе на анализе текстов указанных произведений. Среди основных понятийных метафор представлены метафоры «спор – это война», «время – деньги», «психика как машина», ориентационные метафоры, где верх связан с понятием психического здоровья, благополучия, альтруизма, силы, высокого статуса, рациональности, а низ – с образами болезни, неуспешности, низкого социального статуса, эмоциональности. Показывается, как в процессе терапии метафоры углубляют понимание проблемы, улучшают контакт психотерапевта и клиента (клиентов), способствуют переходу клиентов с понятийного «низа» в понятийный «верх».

Заключение. Показана специфика психотерапевтического дискурса, связанная, прежде всего, с его метафорическим языком. Проиллюстрированы примеры раскрытия концептуальных метафор, выделенных Дж. Лакоффом и М. Джонсоном.

Ключевые слова: психотерапевтический дискурс, понятийная метафора в психотерапии, психотерапевтический дискурс, внедренный в художественное произведение, агент и клиент психотерапевтического дискурса

Для цитирования: Шугайло И. В. Понятийные метафоры в психотерапевтическом дискурсе (на примере художественных произведений Ирвина Ялома и Кена Кизи) // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 152–163. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-152-163.

© Шугайло И. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Conceptual Metaphors in Psychotherapeutic Discourse (Using the Example of the Works of Art by Irwin Yalom and Ken Kesey)

Irina V. Shugaylo

*Emperor Alexander I St Petersburg State Transport University, St Petersburg, Russia,
Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia,
vshugajlo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6613-6153>*

Introduction. The article discusses the role and features of the conceptual metaphor in psychotherapeutic discourse using the examples of fiction works by Irwin Yalom “The Schopenhauer Cure”, “Mommy and the Meaning of Life” and Ken Kesey “Over the Cuckoo’s Nest” (translated by 2003 by D. Shepelev). The purpose of the article is to illustrate the metaphorical language of psychotherapeutic discourse (PD), involved in the fiction works. The widespread use of metaphor makes it possible to distinguish PD into an independent one. The relevance of linguistic analysis lies in expanding the language of discourses of helping professions.

Methodology and sources. The article is based on the provisions of the theory of conceptual metaphor formulated by J. By Lakoff and M. Johnson. The methodological basis of the analysis are the works about PD and the metaphorical language of psychotherapy (I.V. Karasik, A.R. Markin, M.S. Grineva, E.V. Ermolaeva, etc.).

Results and discussion. The article describes the characteristics of PD, describes the types of conceptual metaphors that are used in psychotherapeutic discourse based on the analysis of the fiction works. Among the main conceptual metaphors are the metaphors “dispute is war”, “time is money”, “psyche as a machine”, orientation metaphors, where UP is associated with the concept of mental health, well-being, altruism, strength, high status, rationality, and DOWN – with images of illness, failure, low social status, emotionality.

Conclusion. The study shows the specifics of PD, primarily related to its metaphorical language. The examples of the conceptual metaphors highlighted by J. By Lakoff and M. Johnson illustrate the specific feature of PD of I. Yalom and K. Kesey.

Keywords: psychotherapeutic discourse, conceptual metaphor in psychotherapy, psychotherapeutic discourse involved in fiction works, agent and client of psychotherapeutic discourse

For citation: Shugaylo, I.V. (2024), “Conceptual Metaphors in Psychotherapeutic Discourse (Using the Example of the Works of Art by Irwin Yalom and Ken Kesey)”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 152–163. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-152-163 (Russia).

Введение. Классическая метафора традиционно понимается как поэтическое выразительное средство, способное сделать речь красивой и глубокой. «Изучение метафоры традиционно, но было бы неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции. Напротив, оно становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания – философию, логику, психологию, психоанализ, герменевтику, литературоведение, литературную критику, теорию изящных искусств, семиотику, риторику, лингвистическую философию, разные школы лингвистики», – пишет Н. Д. Арутюнова, выделяя метафору как своеобразный медиатор между текстом и дискурсом, между различными дискурсами [1, с. 5]. Читающие американские учебники, знают, что через метафору ученые и

популяризаторы науки объясняют сложные физические и химические явления, а хороший учитель применяет метод редукционизма на уроках, чтобы «объяснить на пальцах» сложные явления. Несмотря на то, что абстракции трудно иллюстрировать, в научных текстах все чаще встречаются метафоры. Это сближает язык современного научного дискурса с обыденным, что отмечают некоторые исследователи [2], и отражает тенденцию научного дискурса к визуализации.

Методология и источники. Классическая метафора обычно рассматривается как принадлежность естественного языка, но не сферы мышления или действия. Представители неклассической теории метафоры Джорж Лакофф и Марк Джонсон утверждают, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, проявляется в мышлении и действии [3, с. 387–416]. Они полагают, что наша понятийная система носит преимущественно бессознательный (метафорический) характер, а опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой. Поскольку мышление осуществляется через язык, изучение метафоры в языке, структурирующей наше восприятие, дает доступ ко многим бессознательным аспектам мышления человека. Насыщенность метафорическим языком позволяет нам выделить психотерапевтический дискурс (ПД) как отдельный из медицинского дискурса (МД).

В типологии конституциональных дискурсов, которую предложил филолог В. И. Карасик, ТД является разновидностью МД [4]. Действительно, у них близкие цели, но значимое отличие: психотерапевт не может выписывать медицинские рецепты. Сакральным характером обладает как профессия врача, так и профессия психотерапевта, обе они относятся к помогающим профессиям, имеют в генезисе бытийный дискурс, а их агенты воспринимаются как сакральные фигуры, «носители истины» [5]. В обеих профессиях есть своя профессиональная этика.

Несмотря на общность, есть ряд важных различий между этими дискурсами. Важным является элемент серьезности и однозначности в МД. В профессии врача присутствует определенная система знаков: белые халаты, инструменты, машины скорой помощи с крестом и т. д.; у психотерапевтов система знаков своя: кушетка и трубка, зачастую черная одежда, полупустая малоинформативная обстановка (психоаналитиков), это может быть палата или комната, а также обычная квартира, кабинет или спортивный зал для тренировок. Задача медиков – правильно поставить диагноз и назначить лечение, задача психотерапевта – избегать ставить диагнозы, чтобы за ними не потерять личность. Так, клиент в новелле «Проклятие венгерского кота» Хэлстон упрекает своего терапевта в непрофессионализме, путая «правила игры» медицинского и психотерапевтического лечения: *«Не обижайтесь, доктор, но я привык к большому профессионализму, придя к врачу <...>. Я предпочитаю консультироваться у врача, который выдвигает четкий диагноз и назначает лечение»* [11, с. 221]. Техника психотерапии предполагает импровизацию и смену тактик проработки проблемы словом, а не медикаментами.

Обе профессии объединяет тайна неразглашения болезни или проблемы, но при письменном согласии клиентов и врачи, и психотерапевты описывают свои интересные случаи, отчасти дополняя их художественным вымыслом. В языке этих дискурсов присутствует значимое отличие: для медиков всех стран обязательно знание латыни, для психотерапии используют обычный язык, но применение его требует знания особых стратегий и тактик. Как видим, имеются

веские основания для разведения этих дискурсов. Тем не менее элементы ПД в современной практике сокращения времени на медицинский осмотр могут играть роль важного дополнения как для выяснения причин болезни, так и для стабилизации и поддержания здоровья больного, в чем также заключается актуальность данного анализа языка ПД.

Немаловажное отличие МД и ПД можно усмотреть и в асимметрии речевого потока между врачом и больным и между психотерапевтом и клиентом. Больной человек, как правило, мало говорит или молчит. От клиента психотерапевт ждет «потока сознания», жалоб, запросов. В обычной сессии, как индивидуальной, так и групповой, речь клиента по объему значительно превышает речь психотерапевта. От клиента ждут интерпретации его снов, словесных метафор, анализируют его невербальный язык как проявлений бессознательного, что также важно, как и вербализация проблем. Медицина, как правило, не работает с причинами, с бессознательным, но чаще с последствиями психических и физических травм.

На основе сравнения важных элементов дискурса, которые В. И. Карасик определяет в качестве основы выделения самостоятельного дискурса, мы можем говорить о возможности выделения отдельного от МД ПД. Анализируя речь психотерапевтов, исследователи отмечают метафоричность речи в ПД [6], превалирование эмоциональности над рациональностью [7], высокую вариабельность в речевых практиках психотерапевта [8], присутствие медитативных элементов в речи клиентов ПД и их значительно большую активность по сравнению с магическим и МД [9]. Используя методологию анализа понятийной метафоры Жд. Лакоффа и М. Джонсона, проиллюстрируем использование понятийной метафоры в ПД, внедренном в художественно произведение.

Как было сказано, генезис психотерапевтического дискурса лежит в бытийном дискурсе, поэтому метафоры здесь могут носить как свернутый, так и развернутый характер, иносказательно замещать экзистенциальную проблему клиента (тревогу, страх смерти, потери, страх жизни, отсутствие экзистенциальных смыслов и т. п.), получать иное эмоциональное наполнение по мере продвижения терапии. Поскольку основным жанром психотерапии является диалог и полилог, метафора звучит, повторяется, видоизменяется, дополняется и усекается благодаря ее постоянной воспроизводимости в устах агента и клиента психотерапии. Если провести аналогию с музыкой, то метафора подобна лейттеме, которая варьируется, проходит в разных тональностях, модулирует, звучит в разной оранжировке, полифонически переплетается с другими темами; от нее отсекаются отрывки и начинают жить самостоятельной жизнью, она превращается в другую тему и т. д.

Результаты и обсуждения. Одно из метафорических понятий, пронизывающее благодаря диалогу как основному жанру сферу ПД, – **«спор – это война»**. Начиная с диалогических практик философствования в древнегреческих античных школах, принцип диалога пронизывает как бытийную, так и каждодневную речь. Агон (соревнование представителей различных идеологий) – главный принцип композиции древнегреческих трагедий [10]. В ПД диалог, основная тактика общения, направлен на то, чтобы клиенты и агент (психотерапевт) обменялись суждениями, интерпретациями, описанием чувств, мыслей «здесь и сейчас». *«Мне уже опротивело это хождение по минным полям»*, – говорит психотерапевт клиентке, которая никак не может выйти из ситуации потери и проявляет к нему агрессию [11, с. 123]. В фантазиях психотерапевта возникает настоящая драка, когда он описы-

вает их взаимодействие: «*входя в контакт с Айрин, в эмоциональный контакт, вступая с ней в борьбу (образно выражаясь – хотя были моменты, когда мне казалось, что вот-вот и мы сценимся в настоящей драке), я снова и снова доказывал, что грязь – вымысел*», – пишет Ялом [11, с. 123]. В эпиграфе к первой главе смысл жизни Шопенгауэр (и автор) представляет аналогией борьбы со смертью: «*Каждое дыхание отражает непрерывно нападающую смерть, с которой мы таким образом ожесточенно боремся... В конце концов смерть должна победить, ибо мы – ее достояние уже от самого рождения...*» [12, с. 9].

Люди в западноевропейской культуре привыкли к соревнованию и жесткой конкуренции, они стремятся к победе в диспуте, где агрессивно отстаивают свою позицию, а о проигрыше в спорах говорят в терминах войны. Лицо, с которым они спорят, воспринимается как противник, антагонист, оппонент. Они разоблачают чью-то точку зрения и защищают свою. Так, такой диалог можно рассматривать скорее как битву, а не мирное общение, направленное на достижение истины. А. Р. Маркин, говоря о методах психотерапии доктора Курпатова, приводит пример олицетворения абстрактной тревоги конкретными образами: враг, обидчик, монголо-татарские полчища [6, с. 104]. Что-то страшное нужно приручить, выпить с ним чашечку чая, поговорить. У Ялома в «Проклятии венгерского кота» психотерапевт проводит разговор-сессию с огромным котом, являющимся метафорой страха, проявляющейся то ли во сне пациентов, то ли в их галлюцинациях. Эта психологическая новелла с большой долей непонятного, фантастического включает в себя элементы магического дискурса с описанием элементов эриксоновского гипноза, техникой «уменьшения» образа ужасного огромного кота, который в конце становится маленьким и уходит. Кот в рамках психотерапевтического дискурса может выступать метафорой страха, борьбы с мужчинами.

Эта концептуальная метафора предполагает и постепенный захват территории противника, в ПД – психотерапевта. Описывая терапевтический процесс, употребляют фразы «продвигаться вперед», «терять свои рациональные защиты» и «проявлять сопротивление». Так, Ирвин Ялом описывает поведение своей клиентки Айрин в конце сессии в новелле «Семь уроков повышенной сложности по терапии горя»: «*Иногда она, когда наше время уже закончилось, продолжала сидеть на месте, свирепо сверкая глазами и отказывалась сдвинуться с места*» [11, с. 117]. Планируя действия, психотерапевт использует определенные стратегии и тактики. Убедившись в слабости одной стратегии, он выбирает другую. Эмоциональный накал, сила сопротивления, агрессия клиентов способствуют изменению состояния клиента и развитию продуктивной динамики в терапии. Если в начале терапии психотерапевт выступает явно как ведущая родительская фигура, на которую проецируются конфликты с близкими (отцом, в первую очередь), то далее «текст “отца-терапевта”» становится внутренней речью клиента, что придает ему большую уверенность в своих действиях.

Дж. Лакофф и М. Джонсон говорят, что «спор» может быть гораздо более мягким. Он может быть описан через концептуальную метафору «танца», где не предполагается победитель, где партнеры – исполнители, а цель подобного взаимодействия состоит в гармоничном и красивом исполнении танца. В такой культуре люди будут обсуждать свои позиции иначе, мягче, использовать иные понятия и тактики диалога, т. е. мыслить в терминах танца. Героине новеллы Ялома «Семь уроков повышенной сложности по терапии горя» снится сон: «*<...> она танцевала с гибким молодым человеком, а потом он вдруг бросил ее по-*

среди танцплощадки» [11, с. 143]. Эта метафора указывает на хорошие отношения, которые прервались (у героини умер муж).

Второй важный концепт, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону – **«время – деньги»**. Он пронизывает всю рыночную систему отношений, которая существует в современном обществе и в психотерапии как институциональном дискурсе. Деньги служат эквивалентом потраченного ресурса (времени, усилий, знаний, сил, душевной теплоты). В ПД время переживается как продуктивное, проведенное зря, как нечто такое, что может быть рассчитано, вложено разумно, сэкономлено и пр. На вопрос психотерапевта о том, что сейчас происходит, в рассказе «Двойная экспозиция», клиентка отвечает: *«Разочарование! Еще сто пятьдесят долларов – пиши! – а лучше я себя не чувствую! – Значит, я снова подкачал. Взял с тебя деньги и не помог...»* [11, с. 169]. Вспоминая о трудном клиенте Филипе, психотерапевт упрекает себя в том, что у того не решилась проблема, несмотря на потраченные время и деньги. Но его внутренний голос возражает: *«Разве стал бы он выбрасывать на ветер целую кучу денег, если бы не получал ничего взамен?»* [12, с. 25]. Довариваясь о том, чтобы терапевт доктор Юлиус дал ему рекомендацию как психотерапевту, Филип соглашается на предложение посещать групповую терапию Юлиуса. Вместо оплаты Филип предлагает помощь доктору, познакомив его с философией Шопенгауэра, которая вылечила его самого. Временной ресурс в экзистенциальной терапии – ценная вещь, короткое время жизни перед известием о скорой смерти – очень ценная вещь. Проживание момента «здесь и сейчас» – самая ценная вещь, цель терапии и жизни.

Системность, благодаря которой организуется и работает понятийная метафора, предполагает, что механизмы одного понятия работают в раскрытии другой сферы, при этом по необходимости одни элементы затемняются другими аспектами данного понятия. Люди сосредоточены на одном аспекте понятия (освещают его), но не замечают, вытесняют другие аспекты этого понятия (затемняют его). Так, Магнолия из новеллы Ялома «Южный комфорт» считает несостоявшейся свою мечту стать учительницей, хотя практически стала учительницей для своих многочисленных детей. Из-за «освещения», доминанты мышления о скорой смерти, люди теряют вкус к жизни, впадают в депрессию, ощущают свою жизнь темной, беспросветной, т. е. символически перестают жить. Напротив, высвечивание момента высокого качества жизни каждую минуту, несмотря на приговор, придает жизни ценность. В новелле «Странствия с Полой» из уст Полы звучит мысль, которую ей когда-то высказал священник: *«Тот, кто знает ЗАЧЕМ жить, может вынести любое КАК», «Твой рак – это твой крест <...> Твое страдание – это служение»* [11, с. 26]. Помогая другим, человек подменяет одни смыслы другими. Ялом использует также авторскую метафору **«жизнь – круиз»**. Несмотря на то, что жизнь закончится, она **ценна** тем, что человек делает **каждый миг**, т. е. качество проживания времени. В терапии потери психотерапевт использует эту метафору: *«Никогда не отправляйтесь в океанский круиз! Стратегия, которой вы следуете, превратит путешествие в безрадостное времяпровождение. Зачем вкладывать во что-то душу, зачем заводить друзей, зачем кем-то интересоваться, если круиз все равно кончится?»* [11, с. 151]. С волнением стихий Ялом связывает и хорошие отношения между терапевтом и пациентом, которые *«позволят терапевту и пациенту пережить предстоящую бурю»* [11, с. 214].

Лакофф и Джонсон говорят и о другом системном качестве концептуальной метафоры – **ориентации метафоры**, связанной с противопоставлениями, типа «верх–низ», «внутри–снаружи», «передняя сторона–задняя сторона», «глубокий–мелкий», «центральный–периферийный». Подобные ориентационные противопоставления проистекают из телесности нашего мышления. Понятия благополучия, счастья, успеха ориентированы на верх: «я чувствую себя на высоте», «она воспрянула духом», «они летели на крыльях радости». Грусть, болезнь связаны с низом: «он пал духом», «болезнь подкосила его», «тяжесть проблем приземлила его». Косвенная характеристика Филипа, впервые пришедшего на групповую терапию, передана подобными «низкими», «уменьшающими» эпитетами, элементами развернутой метафоры: *«Гладко зачесанные рыжевато-коричневые волосы, туго натянутая на скулах кожа, настороженный взгляд, тяжелые шаги – Филип выглядел как осужденный, которого ведут на эшафот»* [12, с. 95]. Грусть и уныние гнетут человека, делают его меньше, он опускает голову, съеживается, а положительные эмоции распрямляют его и заставляют поднять голову, почувствовать свою значимость, силу, рост.

Сознание связано с верхом и внешним миром, бессознательное – с низом и внутренним. Под этими символическими смыслами лежит физическая основа: все живое спит лежа, внизу, болезнь заставляет человека лежать, спать, а здоровое животное и человек бодрствуют вертикально, они активны, осваивают большую территорию. Смерть и болезнь лингвистически связаны с низом, здоровье и благополучие – с верхом. Тот, кто контролирует ситуацию, задает тон, имеет больше знаний, обладает властью – сверху, подчиненный, некомпетентный – снизу. Так, Юлиус вспоминает о своей самонадеянности: *«Сколько раз он вваливал на себя больше, чем мог унести, сколько раз требовал от клиентов невозможного...»* [12]. Здесь желание делать много говорит о силе психотерапевта: чтобы суметь сделать многое, надо ставить перед собой сложные цели. Прилив энергии после терапии – следствие улучшения состояния, поднятия самооценки: *«хорошая группа положительно действует не только на пациентов, но и на психотерапевта <...> Может это потому, что на полтора часа он просто забывал про свои проблемы? Или это удовольствие от того, что ему удалось кому-то помочь? Ощущение собственного мастерства? Или уважение группы к своему лидеру?»* [12, с. 115].

Понятие большего количества ориентируется на верх, меньшего – вниз. По количеству сказанного на групповой психотерапии можно судить о статусе и психическом здоровье человека в группе. Увеличение дохода, уменьшение попыток суицида, увеличение числа друзей – это верх, уменьшение – низ. *«Численность нашей “паствы”, как называла ее Пола, быстро росла», – пишет Ялом об успешном процессе терапии. – Каждую неделю-две среди нас появлялись новые искаженные страхом лица. Пола принимала их под свое крыло, звала пообедать, учила, чаровала и одухотворяла»* [11, с. 35]. Как видим, Пола наделена здесь атрибутами ангела-хранителя с крыльями, утешающего, одухотворяющего, кормящего, совершающего чуда. После восторгов электронных поклонников *«уровень самоуважения Мерны взмыл вверх»* [11, с. 217]. Раскрытие внутреннего мира, рассказы о себе, увеличение информации приближают к клиенту психотерапии участников группы и психотерапевта, а этот субъект как бы увеличивается в размерах (увеличивает свою значимость, осознанность). *«Стюарт заметно вырос в последние месяцы – больше, чем за три предыдущих года»* [12, с. 336].

С позиции оценки обществом в западноевропейской культуре рациональное воспринимается как верх, эмоциональное – как низ: «обсуждение имело эмоциональный характер», «спор на эмоциях» – в этих фразах подчеркивает неуправляемость, необъективность суждений, следовательно, их оценка низкая, необъективная. В западноевропейской культуре считается, что люди должны руководствоваться разумом, а не эмоциями в обсуждении сложных ситуаций, а рационализация в психотерапии считается одной из «зрелых» защит. Работа над интерпретацией метафоры в ПД и есть выработка механизма рационализации тяжелых чувств, которые постепенно, благодаря психотерапевту, осознает и клиент. Первоначально интерпретация метафоры «черной грязи» звучит во внутренней речи психотерапевта из «Семи уроков повышенной сложности по терапии горя»: *«Метафора черной липкой грязи была особенно мощной из-за того, что в ее основе лежало множество причин: этот образ соответствовал сразу нескольким разным бессознательным процессам и символизировал их. Гнев горевания был одним важным смыслом. Но были и другие: например, вера Айрин в то, что она была ядовитой, загрязненной, фатально приносящей несчастье»* [11, с. 124]. Символ грязи также относится к низу и тем самым характеризует негативное отношение к себе как недостойному, опасному человеку, общение с которым «накликает» смерть. В ПД все необъяснимое описывается элементами магического дискурса, также активно использующего метафоры. Макмёрфи из романа Кена Кизи «Над гнездом кукушки», желая не обидеть больных и найти лидера среди них, спрашивает: *«Кто из вас смеет считать себя самым звезданутым?»* [13, с. 53]. Звезда принадлежит «верху» и тем самым снимается эффект оскорбления.

Таким образом, большинство фундаментальных тактик в ПД организованы в терминах ориентационных метафор. Каждая пространственная метафора обладает внутренней системностью. Согласованность внутри общей системы позволяет верх и величину отождествлять с расправленностью тела, подъемом настроения, широтой улыбки и т. д., избытком. Низ, сдержанность связывается с низом, недостатком. Эпитет «приземленный» является характеристикой невысокого полета и недалекого ума. Так, низкое сравнивается с недостатком, высокое – с избытком. Иногда непонятное, неосознанное связывается с верхом: журавль в небе, синица – в руках. Вопрос «Ты схватил?» отсылает к тактильному исследованию. Таким образом, эмпирика определяет модальность метафоры. Система ценностей в разных культурах также имеет значение для определения верха или низа. Ценности каждого индивида в значительной степени коррелируют с магистральной культурой.

Онтологическая метафора «психики как машины» часто используется в художественных произведениях, включающих ПД. Психика часто воздействует на тело, а метафора слова механизма аналогично применяется к телу. Метафора «психика – это машина» относится к ментальному аспекту психической жизни. Эта метафора используется Кеном Кизи в его романе «Над кукушкиным гнездом» (пер. Д. Шепелева). Поскольку действие происходит в психиатрической больнице, сломанную психику описывает большое количество «машинных» метафор.

Интеллект и воля больных находятся в рабочем или выключенном состоянии, они обладают определенным уровнем оперативности, связанным с качеством внутреннего устройства, качеством источника энергии и т. д. Психические процессы передаются через метафоры «сломался», «свихнулся», «тронулся». В понимании Вождя из романа Кизи отделение психбольницы – это «фабрика Комбината». Там чинят то, что не починят ни соседи, ни

школа, ни церковь – только клинике это под силу. Хронотоп палаты характеризуется метафорой «фальшивого времени»: Старшая Сестра, мадам Гнусен (в переводе Д. Шепелева), только «поворачивает» регулятор на стальной двери, и настенные часы идут с любой скоростью; взбредет ей в голову расшевелить всех, она прибавляет скорость, и стрелки закрутятся, как спицы в колесе [8, с. 48]. Метод Старшей Сестры характеризуется как «машина», которая дает сбои, когда в ее отделении появляются живые любопытные молодые люди – практиканты. Кончик ее языка в тон ярко-оранжевым губам словно кончик **раскаленного железа**, сама она подобна **кукле** (машине, выполняющей похожие на человеческие, функции). Метафоры автомата содержатся в описании сессии Вожем: от ее слов в стенах работало какое-то акустическое устройство [13, с. 52].

Метафоры, связанные с ограниченными пространствами, показывают, что человек воспринимает мир как находящийся вне его. Каждый человек разделен поверхностью тела от других с ориентацией типа «внутри–вне». К явным вместилищам относятся комнаты и дома. Поле нашего зрения мы осмысляем также как вместилище, а видимое – как содержимое этого вместилища: «держат в поле зрения», «находится в центре моего поля зрения». Зрение часто идентично познанию, видеть – значит понимать.

Онтологические метафоры используются и как место событий, действий, занятий (деятельностей) и состояний. Занятие (деятельность) рассматривается как вместилище для действий и других занятий, которые входят в его состав. Отсутствие заполнения образует некое пустое пространство с негативным знаком пустоты. Депрессия, отсутствие смыслов, которое хочется заполнить, отражено в метафоре пустого места, отсутствия движения: «он впал в депрессию», «он ничего не чувствовал», «она вошла в состояния ступора».

Очевидно, что через диалог метафора в терапии служит важнейшим источником и движущей силой личностных изменений. Она позволяет клиенту «присвоить» ранее неведомые ему смыслы или присоединиться к пониманию процесса. Выбрав метафору, пациент может интерпретировать ее совместно с терапевтом. Трансформируя метафору, он изменяет свое отношение к ней, видит иные стороны символизируемого ею события, тем самым меняет свое состояние. Трансформируясь в сознании пациента, метафора обретает целительную силу. То, что может изначально быть «темной» и болезненной метафорой, может трансформироваться в нечто «светлое» и конструктивное, став метафорой личностного перерождения.

Наиболее частые подходы, используемые в терапии: работа с метафорой, предложенной самим пациентом, либо работа с предложенной терапевтом метафорой. Метафора расширяет границы опыта, способна вести пациента сразу в нескольких направлениях и обретать свойства реальности. В то же время метафора – всего лишь один из возможных способов терапии. В работе Ф. Мэтьисон, Дж. Джордан и М. Стабби рассматриваются возможности использования метафор в когнитивно-поведенческой терапии [15]. Пациенты часто выражают свои опасения, ощущения, отношение к себе и другим с помощью метафорического языка. Метафора работает в качестве мостика между ощущением проблемы и реальностью, она может открывать доступ к тем значениям, которые остаются полностью закрытыми при использовании традиционных рациональных методов помогающих профессий.

Поскольку известно о связи между метафорическим языком и эмоциональным возбуждением, эта активация может служить важным механизмом выхода из психологически тя-

желой ситуации, депрессии, апатии. Поэтому в этом отношении музыка- и арттерапия помогают клиентам легче выходить из тяжелого состояния. Поскольку метафоры основываются на синестезии (совместных ощущениях), это помогает пробудить чувственность и эмоциональность, что приводит к активации мышления и улучшению памяти. Ф. Мэттисон, Дж. Джордан и М. Стабби считают важным, что язык психотерапии выстраивается как сложная, самоорганизующаяся система, которая «плавно разворачивается» [15, с. 201] во времени и находится под влиянием экстралингвистических факторов. Поэтому важно и то, где, кем, в каком окружении, обстановке проходит психотерапия.

Метод совместного конструирования метафор в психотерапии К. Хиллом и А. Реганом был приведен к следующему алгоритму: 1) первичное соотношение между количеством метафор, используемых терапевтом и пациентом; 2) повторение, использование точных слов собеседника во время одной сессии; 3) разворачивание содержания метафоры, т. е. последовательное использование разных, но концептуально связанных, метафор [16]. Этот алгоритм очень напоминает композицию классического музыкального произведения. Закономерно, что этот алгоритм художественного произведения помогает воздействовать на бессознательное движение клиента к катарсису, прояснению его проблем, к изменению минорной тональности в оценивании ситуации.

Заключение. Таким образом, благодаря выполненному анализу функционирования концептуальной (понятийной) метафоры в художественных произведениях, включающих ПД, очевидно, что ПД может выступать самостоятельно, так как отличается от медицинского по ряду параметров, основным из которых выступает понятийная метафора. В художественном произведении наряду со специфическими художественными авторскими приемами метафора выступает как основной семантический прием, раскрывающий глубину переживаний героев и их динамику. Можно заключить, что не только понятийные метафоры выполняют структурирующую функцию, но и классические метафоры сообщают психотерапии ряд важных услуг: изменение отношения к реальности как более светлой, доброжелательной, интересной, помогают найти большее взаимопонимание как между психотерапевтом и клиентом, так и между другими участниками психотерапии, эстетические свойства метафоры помогают человеку стать более интересным для других, убедить их в своей позиции, видеть все краски мира, освещая лучшее в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
2. Попова Т. Г., Сачкова Е. В. Метафора в научном стиле // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 2–2. С. 356–360.
3. Lakoff J., Johnson M. *Metaphor We Live by*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1980.
4. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмоциональные аспекты: сб. научн. тр. / Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
5. Шугайло И. В. Психотерапевт и психоаналитик как носители истины в психотерапевтическом дискурсе // Мир педагогики и психологии. 2023. № 9 (86). С. 124–131.
6. Маркин А. Р. Биоморфная метафора в психотерапевтическом дискурсе А.В. Курпатова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов VIII (XXII) Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 22. Томск, 15–17 апр. 2021 г. / Томск: НИ ТомГУ, 2021. С. 103–108.

7. Рыженкова А. А. Специфика психотерапевтического дискурса в произведениях И. Ялома // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 2. С. 560–566. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230070>.

8. Гринева М. С. Вариабельность речевых тактик психотерапевта как фактор эффективного речевого воздействия // Научн. журнал КубГАУ. 2017. № 129. С. 93–105. DOI: 10.21515/1990-4665-129-008.

9. Ермолаева Е. В. Медитативный, магический, психотерапевтический и религиозный дискурсы в сопоставительном освещении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2–2(68). С. 124–126.

10. Режабек Е. Я., Богданова М. А. Агон как имманентная характеристика культуры Древней Греции // Вестн. Донского гос. технич. ун-та. 2011. Т. 11, № 6 (57). С. 911–917.

11. Ялом И. Мамочка и смысл жизни / пер. Е. А. Климовой. М.: Эксмо, 2024.

12. Ялом И. Шопенгауэр как лекарство: психотерапевтические истории / пер. Л. В. Махалиной. М.: Эксмо, 2024.

13. Шугайло И. В., Кадиров К. Н. Терапевтические модели и особенности психотерапевтического дискурса романа Кена Кизи «Над гнездом кукушки» // Научное мнение. 2023. № 10. С. 45–54. DOI: 10.25807/22224378_2023_10_45.

14. Кизи К. Над гнездом кукушки / пер. с англ. Д. Шепелева. М.: Эксмо, 2023.

15. Mathieson F., Jordan J., Stubbe M. Recent applications of metaphor research in cognitive behaviour therapy // *Metaphor and the social world*. 2020. N 10 (2). P. 199–213. DOI: 10.1075/msw.00003.mat.

16. Hill C., Regan A. The use of metaphors in one case of brief psychotherapy // *J. of Integrative and eclectic Psychotherapy*. 1991. N 10. P. 56–57.

Информация об авторе.

Шугайло Ирина Васильевна – кандидат философских наук (1995), доцент (2008), доцент кафедры русского и иностранного языков Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, Московский пр., д. 9, Санкт-Петербург, 190031, Россия; магистрант (2 курс) программы «Дискурс и вариативность английского языка» Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, психология, лингвистика, искусство.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.04.2024; принята после рецензирования 06.05.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.*

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. and Zhurinskaya, M.A. (ed.) (1990), *The Theory of Metaphor*, Transl., Progress, Moscow, USSR.

2. Popova, T.G. and Sachkova, E.V. (2016), "Metaphor in scientific prose style", *International J. of Experimental Education*, no. 2-2, pp. 356–360.

3. Lakoff, J. and Johnson, M. (1980), *Metaphor We Live by*, Chicago Univ. Press, Chicago, USA.

4. Karasik, V.I. (1998), "On the Categories of Discourse", *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i ehmotivnye aspekty* [Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects], Peremena, Volgograd, RUS, pp. 185–197.

5. Shugaylo, I.V. (2023), "The Psychotherapist and Psychoanalyst as the Carriers of Truth in Psychotherapeutic Discourse", *Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 9 (86), pp. 124–131.

6. Markin, A.R. (2021), "Biomorphic Metaphor in Psychotherapeutic Discourse A.V. Kurpatov", *Actual Problems of Linguistics and Literary Studies, VIII (XXII) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*, Tomsk, RUS, April 15–17, 2021, iss. 22, pp. 103–108.

7. Ryzhenkova, A.A. (2023), "The Specific Features of Psychotherapeutic Discourse in I. Yalom's Works", *Philology. Theory & Practice*, vol. 16, iss. 2, pp. 560–566, DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230070>.

8. Grineva, M.S. (2017), "Variability of a psychotherapist's speech tactics as a factor of effective persuasion", *Scientific J. of KubSAU*, no. 129, pp. 93–105. DOI: 10.21515/1990-4665-129-008.

9. Ermolaeva, E.V. (2017), "Meditative, Magical, Psychotherapeutic and Religious Discourses in Comparative Coverage", *Philology. Theory & Practice*, no. 2–2(68), pp. 124–126.

10. Rezhabeek, E.Y. and Bogdanova, M.A. (2011), "Agon as an Immanent Characteristic feature of Ancient Greek culture", *Vestnik of Don State Technical Univ.*, vol. 11, no. 6 (57), pp. 911–917.

11. Yalom, I. (2024), *Momma and the Meaning of Life*, Transl. by Klimova, E.A., Eksmo, Moscow, RUS.

12. Yalom, I. (2024), *The Schopenhauer Cure*, Transl. by Makhalina, L.V., Eksmo, Moscow, RUS.

13. Shugaylo, I.V. and Kadirov, K.N. (2023), "Therapeutic Models and Features of the Psychotherapeutic Discourse of Ken Kesey's Novel "One Flew over the Cuckoo's Nest", *The Scientific Opinion*, no. 10, pp. 45–54. DOI: 10.25807/22224378_2023_10_45.

14. Kesey, K. (2023), *One Flew over the Cuckoo's Nest*, Transl. by Shepelev, D., Eksmo, Moscow, RUS.

15. Mathieson, F., Jordan, J. and Stubbe, M. (2020), "Recent Applications of Metaphor Research in Cognitive Behaviour Therapy", *Metaphor and the Social World*, no. 10 (2), pp. 199–213. DOI: 10.1075/msw.00003.mat.

16. Hill, C. and Regan, A. (1991), "The Use of Metaphors in One Case of Brief Psychotherapy", *J. of Integrative and Eclectic Psychotherapy*, no. 10, pp. 56–57.

Information about the author.

Irina V. Shugaylo – Can. Sci. (Philosophy) (1998), Docent (2008), Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Emperor Alexander I St Petersburg State Transport University, 9 Moskovsky ave., St. Petersburg 190031, Russia; Master Student (2nd year) of the program "Discourse and variability of the English language", Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 150 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, psychology, linguistics, art.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.04.2024; adopted after review 06.05.2024; published online 24.06.2024.